

Семья Се, как и многие другие богатые фамилии, жила в отдельном особняке в элитном районе.

Старик Се не жил вместе с Се Суном и его семьей, а в последние годы и вовсе почти не общался с ними. Хотя он и позволил Пань Янь и Се Юйцину переступить порог дома, Се Юйцин, будучи незаконнорожденным сыном, который с детства не рос у него на глазах, в сердце старика почти ничего не значил.

Что уж говорить о Пань Янь, которая когда-то увела мужчину из семьи. На фоне первой жены, госпожи Се, она выглядела особенно мелко и ничтожно.

Когда Се Юйань вошел в главные ворота, слуги, занятые уборкой, при виде него словно обрели опору. Со всех сторон послышалось почтительное: «Молодой господин».

Се Юйань одарил их легкой улыбкой.

— Посмотрите на нашего молодого господина, сколько в нем элегантности и воспитания, — шептались слуги. — А теперь посмотрите на того бастарда. Ц-ц-ц, и о чем только думал хозяин, когда выбрал эту женщину?

— И не говори. Госпожа Се была так добра к нам, вечно угощала сладостями. Не то что эта особа — вечно только и знает, что кричать да попрекать нас, прямо как ее сынок.

— Теперь, когда молодой господин вернулся, я с нетерпением жду, как он призовет этих двоих к ответу!

Се Юйцин стоял в углу, до боли сжимая кулаки. В его глазах читалась нескрываемая ненависть. За что?! Почему всегда так! Он ведь ничего плохого не сделал!

Все дело в Се Юйане. Если бы не он... ему бы не пришлось терпеть ледяные взгляды и насмешки.

Столько лет он только и слышал в спину это клеймо: бастард.

Войдя в гостиную, Пань Янь, увидев Се Юйаня, рефлекторно вскочила. С натянутой улыбкой она двинулась навстречу:

— Юйань, вернулся? Ужин почти готов, твой отец тоже скоро будет.

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что это самая гармоничная семья на свете.

Се Юйань пропустил ее слова мимо ушей и направился напрямик вверх.

Улыбка Пань Янь застыла, она неловко опустила руку.

Дядя Юань проводил Се Юйаня взглядом, и, как только тот исчез, повернулся к Пань Янь. Его голос звучал холодно:

— Имя Юйань не для ваших уст. Молодой господин не признавал вашего статуса, так что лучше называйте его, как мы — молодым господином.

Пань Янь прекрасно понимала, какой вес имеет дядя Юань в семье Се. Даже если внутри все кипело от возмущения, ей пришлось покорно согласиться.

Дело было не только в имени. Она — госпожа дома, но если начнет называть Се Юйаня молодым господином, не признает ли она тем самым, что сама здесь лишь прислуга?

От этой мысли в ее глазах вспыхнула злоба.

На втором этаже Се Юйань толкнул дверь своей комнаты. Все оставалось на своих местах, чистота была идеальной — видимо, дядя Юань часто отдавал распоряжения об уборке.

Это была спальня Се Юйаня в детстве.

Красавец с серебристыми волосами до пояса медленно подошел к шкафу, открыл его и достал фотоальбом.

К счастью, его не потеряли.

Се Юйань погладил пожелтевшую обложку. Надпись, сделанная черным маркером, была видна отчетливо, будто ее вывели только вчера:

— Подарок на одиннадцатый день рождения малышу Юйаню.

— С любовью, твоя мама Тун Вэй.

Пальцы Се Юйаня дрожали, касаясь изящных черных букв. Под стеклами золотистых очков его обычно безэмоциональные голубые глаза слегка покраснели.

Он открыл альбом — на страницах тем же каллиграфическим почерком было выведено:

— Дорогой мой малыш Юйань, сегодня ты стал на год старше. Мама хочет, чтобы ты всегда был счастлив, чтобы оставался искренним и храбрым маленьким принцем. Мама всегда будет любить тебя.

Се Юйань смахнул слезы и поднял голову. Перед ним стояла Тун Вэй — она стала намного ниже его. У женщины был мягкий взгляд, в ее голубых глазах светились твердость и нежность.

Она подошла ближе и коснулась уголка его глаза:

— Малыш, мама будет часто приходить к тебе во снах. Не плачь.

Альбом выскользнул из рук, Се Юйань потянулся, чтобы обнять ее, но схватил лишь пустоту.

В тишине комнаты раздался его надломленный, беспомощный голос:

— Мама, ты ведь обещала, что будешь рядом, пока я расту... Ты нарушила слово...

Альбом беззвучно лежал у ног, а затем Се Юйань бережно поднял его и положил на журнальный столик.

Успокоившись, он протер очки, на которых остались следы слез, и вышел из комнаты.

Се Сун вернулся домой как раз в тот момент, когда Се Юйань спускался по лестнице.

— Юйань.

Почти пятидесятилетний Се Сун излучал напускную интеллигентность, его лицо всегда было тронуту улыбкой.

Се Юйань посмотрел на него, ощущая приступ тошноты, и отвел взгляд.

Не получив ответа, Се Сун почувствовал неловкость, но чувство вины перед сыном не позволяло ему требовать большего. К тому же, Се Юйань действительно приносил ему немало почестей.

Когда слуги доложили, что ужин подан, из сада вошел Се Юйцин.

— Старший брат. — Се Юйцин сел рядом с Се Суном и Пань Янь. Со стороны они выглядели как идеальная, любящая семья.

Се Юйань сидел за столом один, дядя Юань стоял за его спиной. Услышав обращение Се Юйцина, он недовольно заметил:

— Тебе следует обращаться к нему так же, как и мы. Молодой господин не признавал ни тебя, ни твою мать, у вас нет права на такую фамильярность.

На глазах у Се Юйцина мгновенно выступили слезы. Он жалобно посмотрел на Се Суна:

— Отец...

Се Сун сделал вид, что ничего не слышит. Дядя Юань был человеком старика, а сам Се Сун лишь занимал должность в корпорации Се и не имел права спорить с ним. Любое его слово дойдет до старика, и если тот останется недоволен, то может урезать наследство — а это было бы настоящим ударом.

— Делайте так, как говорит дядя Юань. Ладно, давайте есть.

Се Юйцин в недоумении расширил глаза. Раньше, стоило ему хоть немного расстроиться, Се Сун всегда заступался за него. Почему, как только вернулся Се Юйань, все изменилось?!

Пань Янь рядом была готова скрипеть зубами от ярости — Се Сун всегда был таким, превыше всего ставил собственную выгоду.

Се Сун, не обращая внимания на них, положил кусочек рыбы в чашку Се Юйаня, изображая заботливого отца:

— Юйань, ты так давно не был дома, ешь побольше.

Се Юйань даже не притронулся к палочкам. В его чашке, кроме риса, который положил дядя Юань, лежала только рыба от Се Суна.

Услышав его слова, Се Юйань взглянул на часы и достал телефон.

— Алло? Любимый?

В VIP-зале клуба царил жар. Шэнь Чуцы развалился на диване, между пальцев дымилась сигарета, ноги были закинuty на стол. Его поза была вызывающей, но слова заставили всех в зале притихнуть.

Шу Цуй взглянул на мужчину и жестом приказал выключить музыку.

Золотая молодежь прислушалась. Цзи Чэнь подошел к Шу Цую и обнял его за плечи, пораженный:

— Я думал, ты шутишь, а брат Чи и правда женат.

Шу Цуй сокрушенно покачал головой:

— Где же доверие между братьями?

Пока они шептались, мужчина с телефоном встал, подхватил куртку и направился к выходу.

Сегодня на Шэнь Чуцы была футболка с граффити, куртка-бомбер и широкие брюки. С его фиолетовой стрижкой «маллет» он выглядел как настоящий хулиган.

Проходя мимо компании, кто-то услышал невероятно нежный голос молодого господина Шэня:

— Жди меня послушно, буду через пятнадцать минут.

Положив трубку, Се Юйань поднялся:

— Меня тошнит от вида этого ужина. Ешьте сами, ваша дружная семейка.

За стеклами очков его голубые глаза были полны холода. Красавец поправил манжеты и бесстрастно добавил:

— Дядю Юаня я забираю с собой. Можете искать себе нового дворецкого.

Се Сун, выслушав эти слова, звучавшие как приказ, не выдержал и швырнул палочки на стол:

— Это что за тон, которым ты разговариваешь с отцом? Я твой отец, а не подчиненный!

Воздух в комнате застыл — стало жутко тихо.

Се Юйань молчал, лишь сверлил Се Суна взглядом, в точности как у Тун Вэй. Он смотрел на него как на покойника — ни единой эмоции.

Се Суна пробрало до костей, он неловко рассмеялся:

— Юйань, я погорячился, не принимай близко к сердцу.

Се Юйцин, отложив палочки, пробормотал:

— Мне кажется, старший брат ведет себя слишком властно. Как можно так разговаривать с отцом?

Дядя Юань нахмурился. Да, интеллект у людей разный. Он ведь ясно подчеркнул, как нужно обращаться к молодому господину, почему этот бастард никак не поймет?

Се Юйань посмотрел на Се Юйцина сверху вниз. Видимо, ему было лень говорить или просто не хотелось тратить время — он лениво взял палочки и с силой метнул их.

Пум!

Белоснежные палочки вонзились прямо в стол перед Се Юйцином!

Тот, остолбенев, сглотнул, глядя на палочки с нескрываемым ужасом. Даже Пань Янь молча отложила приборы, не смея пошевелиться.

— Это предупреждение. — Се Юйань бросил на Се Юйцина последний взгляд, полный нескрываемой жажды убийства. — Дядя Юань, принесите мне альбом из комнаты на втором этаже.

— Слушаюсь, молодой господин.

После этого предупреждения за столом воцарилась мертвая тишина. Все боялись, что следующими в их головы полетят палочки.

— Молодой господин.

Дядя Юань передал альбом и, бросив ледяной взгляд на присутствующих, произнес:

— Я в точности доложу старику о сегодняшнем происшествии. А что касается ошибки в обращении, через пару дней из главного дома приедут люди, чтобы научить Се Юйцина манерам. До тех пор, пока не усвоит.

Се Юйцин побледнел. Страх сковал его сердце:

— Дядя Юань, я... я больше никогда не буду так называть его! Не надо присылать никого из главного дома!

Слуги в главном доме работали десятилетиями, они видели, как рос Се Юйань, и, конечно, питали к нему особую слабость. Если они узнают, что он проявил неуважение, они замучают его до смерти!

Знал бы он, что так выйдет, ни за что не стал бы называть его старшим братом, лишь бы позлить!

Дядя Юань не удостоил его ответом и вместе с Се Юйанем покинул дом.

На улице, прижимая к груди альбом, Се Юйань выглядел таким хрупким, словно его мог унести порыв ветра. Дядя Юань с болью в сердце сказал:

— Молодой господин, как вернемся, я приготовлю вам лекарственные отвары. Вы натерпелись за границей.

— Спасибо, дядя Юань.

Се Юйань слабо улыбнулся. В семье Се было мало людей, которые искренне заботились о нем: старик, дядя Юань, тетя да старые слуги из главного дома.